

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ В РОСТОВЕ

Летом 1930 года А. М. Горький задумал организовать издание серии книг по истории гражданской войны. «Историю гражданской войны, — писал он, — должны литературно обработать наши наиболее талантливые литераторы, активные ее участники, непосредственные свидетели и люди, хорошо знающие места действий». Среди литераторов Горький назвал Артема Веселого.

Тут же уместно привести высказывание А. М. Горького о творчестве Артема Веселого:

«Книгу Артема Веселого читали? Как ее находите? Сильная вещь!» — говорил он писательнице Галине Серебряковой. Этот отзыв она цитировала в своих воспоминаниях об А. М. Горьком¹.

Об Артеме Веселом в последние годы опубликовано немало воспоминаний, но — удивительное дело! — почти ни в одном из них нет ни слова о его пребывании в Ростове и на Северном Кавказе. А между тем Артем Веселый приезжал в Ростов много раз, подолгу жил здесь, работал в Крайистпарте — разыскивал и изучал документы, нужные ему при написании романа о гражданской войне «Россия, кровью умытая». Выезжал он и на Север-

¹ «Знамя», 1957, № 4

ный Кавказ, в Ставрополье, в астраханские степи — по следам событий гражданской войны, изображенных в этом романе, разыскивал живых участников революционных битв, записывал их рассказы, воспоминания.

В Ростове он встречался с молодыми писателями, делился с ними мыслями о литературном труде и мастерстве, рассказывал о своей писательской работе — все это также живые черты к портрету очень колоритного писателя.

Я видел Артема Веселого и в Москве, и много раз встречался с ним в Ростове. Приезжая в Ростов, он иногда останавливался у меня, и тогда мы с ним вели разговоры на бесконечные литературные темы.

Расскажу о его приездах в Ростов и на Северный Кавказ и о том, как он собирал и обрабатывал материалы для своего романа «Россия, кровью умытая».

Это было в 1924 году или в начале лета 1925-го. Я работал тогда в редакции газеты «Советский юг» и однажды вдруг увидел, что из кабинета редактора мимо моего стола идет, направляясь к выходу... Артем Веселый.

— Товарищ Артем Веселый! — невольно вырвалось у меня. — Какими судьбами вы у нас в Ростове?

Он остановился, задержал на мне взгляд и доверчиво подал руку.

Я объяснил ему, что видел его в Москве, на одном из литературных вечеров, слышал, как он читал там свой рассказ. Из краткого разговора выяснилось, что приехал Артем Веселый на Север-

ный Кавказ собирать материалы для нового романа. Сначала он поработает в Ростове, в Крайистпарте, потом поедет на Кубань, а оттуда — на Кавказ, по следам сражений XI Красной Армии — на Пятигорск, Кизляр и дальше, через астраханские пески, на Царицын.

— Где вы остановились в Ростове? — спросил я у Артема Веселого.

Он еще нигде не остановился. Не помню теперь уже, возможно, у него были какие-то затруднения с получением номера в гостинице, но я пригласил его поселиться у меня, и он согласился. А так как рабочий день в редакции уже кончался, то вскоре мы уже шагали ко мне, на окраину Ростова.

Артем Веселый прожил у меня несколько дней. Утром он уходил в Крайистпарт, а я — в редакцию. Вечером сходились вновь, говорили о литературе, о разных новостях, обо всем на свете, и тут я имел возможность ближе присмотреться к нему.

Я рассказываю здесь только о личных встречах и литературных разговорах с Артемом Веселым — о его внешности, характере, манере работать. Приведу некоторые его рассказы о себе, некоторые любопытные факты из его биографии, его высказывания о своей писательской работе. Разбор, анализ его произведений, не входит в мою задачу — это дело критиков, литературоведов.

...Он был высок, поджар. Плечи и грудь неширокие, руки мягкие, «конторские», и вообще производил он впечатление человека некрепкого здоровья. Был всегда коротко, по-солдатски острижен.

Держался просто, скромно. Я узнал от него, что отец его был волжским грузчиком, крючником в Самаре и что в юности он сам был чернорабочим,

ломовым извозчиком (драгилем), с детства добывал хлеб своим трудом.

А так как и я был точно такого же происхождения, то это, наверное, сразу и сблизило нас. Если его отец был грузчиком в Самарском порту, то мой — грузчиком в Ростовском порту, а потом грузчиком на железнодорожной станции Ростов; если Артем вырос на окраине Самары — в слободке, так и я вырос на такой же окраине Ростова — Нахаловке.

Говорил он медленно, глуховатым баском, с самарским акцентом, пришепетывая довольно полными губами: пицца, кровицца, вешши и т. п.

Временами он нехорошо покашливал. Я спросил, в чем дело. И он сказал мне, что у него что-то неладно с легкими.

— Ты что, в самом деле Артем Веселый или это литературный псевдоним? — спросил я у него.

— Псевдоним. По паспорту я — Николай Иванович Кочкуров.

— Ну, а как же называть тебя?

— Зови Артем Иванович, а то просто — Артем.

Мне нелегко было привыкнуть к тому, что на самом деле он не Артем, а Николай Иванович.

Любовь Артема Веселого к яркому слову и такой же яркий, очень своеобразный язык его произведений широко известны. Товарищи, близко знавшие Артема, посмеиваясь, говорили мне, что в быту, в разговоре с друзьями он был большим любителем затейливых и кудрявых выражений, кратких и соленых матросских словечек... «В русском разговоре без крепкого словца складу настоящего нет», — писал он в своем рассказе «Дикое сердце».

Между прочим, он сказал мне, что любимая его книга — словарь Даля и что он всюду возит его с собой.

Очень интересовал Артема и поэт-словотворец Велемир Хлебников. В один из вечеров Артем долго рассказывал мне о Хлебникове, его взглядах на слово и его работах. Говорил, что считает его гениальным, что хранит его поэмы, знает их наизусть.

Из тогдашних рассказов Артема о литературной жизни в Москве было видно, что наиболее близкими ему людьми из писателей были Н. Н. Лянко и А. С. Новиков-Прибой (которых он всегда уважительно называл не иначе, как Николай Николаевич и Алексей Силыч), Феоктист Березовский, В. М. Бахметьев, Л. Н. Сейфуллина (ее он по-приятельски называл Сейфулихой).

В то время Крайистпарт организовал в Ростове выставку документов и других экспонатов по истории революционного движения и гражданской войны на Северном Кавказе. Артем работал в Крайистпарте и очень усердно — по десять часов ежедневно — перечитал тысячи страниц разнообразных документов этой выставки.

Артем бывал и у нас, в редакции газеты «Советский юг», и в только что созданной Ростовской писательской организации, познакомился со многими литераторами. Держался он с нами без малейшего самомнения, как свой среди своих, а с А. Бусыгиным, таким же вчерашним рабочим-красноармейцем, — как с близким товарищем.

В редакции «Советского юга» с осени 1924 года отделом партийной жизни стал заведовать Ал. Булыга — будущий А. Фадеев. Он был знаком с Артемом давно.

В Ростов Артем Веселый приезжал едва ли не каждый год, а иногда и по два раза в год.

В свой приезд весной 1925 года Артем, как и прежде, ежедневно ходил в Крайистпарт, опять про-

читал там горы материалов для будущей своей книги, а потом уехал на Кубань. Ему очень хотелось побывать в тех местах, где сражался известный красный партизан Иван Кочубей, повешенный белыми в городе Святой Крест (ныне г. Буденновск). Кочубей был одним из героев его «России, кровью умытой» (он выведен в романе под именем Ивана Черноярова).

Часто он посылал мне с дороги письма, написанные красивым, четким почерком, писал и позже из Москвы и из других мест в течение многих лет. У меня хранилась большая пачка его писем, но все они погибли, когда Ростов был оккупирован гитлеровцами, а я находился на фронте.

После поездки по Кубани Артем рассказывал мне, что он побывал на родине Кочубея, встречался с его братьями, разыскал фельдшера, который лечил Кочубея, когда тот заболел тифом и был уже без сознания (белые хотели повесить Кочубея, когда он полностью выздоровеет). (Всюду Артем собирал казаков, рядовых участников гражданской войны, слушал и записывал их воспоминания.

Позже, в один из своих приездов в Ростов, он рассказывал мне, что «Пролог» к своей «России, кровью умытой» он «работал» два года, а в этом «Прологе» — каких-нибудь две-три странички. Нужно ли после этого удивляться, что все написанное им помнил он наизусть!

* * *

Стояла суровая, морозная, многоснежная зима 1927 года. Неожиданно ко мне домой явился приехавший из Москвы Артем — высокий, в громадной мохнатой кавказской бурке, папахе и в теплых, на меху, сапогах. Под буркой был ватный

жакет — такой, какие носили тогда в деревне. Щеки у Артема горели от мороза, на усах и на бровях серебрился иней. Рядом с ним стояла его молодая жена — московская работница, и тоже тепло одетая.

— Куда это ты собрался, Артем, в самую зиму, в такую чертячью погоду? — удивился я.

— Да все туда же, на Кубань, на Кавказ, в астраханские пески, — по следам Кочубея...

— И жену тащишь с собой?

— И жену, она у меня боевая, ничего не боится, никаких трудностей и испытаний. «Поедем, говорит, вместе... Посмотрим жизнь и людей... Ничего, не пропаду». Ну, что ж, если хочешь — поедem. И вот едет...

Переночевав у меня, они поехали дальше — в лютый мороз, в снежный буран, бушевавший в неоглядной задонской степи...

Это была уже третья поездка Артема по следам XI Красной Армии. Третий год подряд — и в летний зной, и в лютую зиму отправлялся он в эти места.

Ездили они тогда долго, не одну неделю — в железнодорожных теплушках и на подводах, а где добирались из станицы в станицу и пешком — по снегу и по непролазной кубанской грязи, ночевали «где бог послал», разыскивали нужных людей, расспрашивали их о великом походе.

Это была его манера собирать и изучать материал. Не манера, а писательский подвиг. И вдвойне подвиг был совершен его женой. Каково-то было ей передвигаться из станицы в станицу, в морозы, в метель! Но она, преданная, любящая жена, друг и товарищ Артема, стойко вынесла все.

Через какое-то время они вернулись в Ростов и снова пришли ко мне переночевать, отдохнуть до

поезда на Москву, усталые, измученные, но очень довольные результатами своего путешествия.

* * *

Во второй половине ноября 1927 года Артем снова был в Ростове — он все еще продолжал собирать материал для своей книги. Остановился он на этот раз в гостинице, а в один из вечеров был у меня в гостях.

— Этак ты своим гонораром за «Россию» не окупил бы расходов на поездки, — заметил я.

— И не окуплю. На железнодорожные билеты, на харчи и прочие расходы в поездках трачу больше, чем получаю гонорара, — ответил он.

— Ну, а как у тебя подвигается с «Россией»?

— Туго.

И он рассказал мне, что в результате поездок по станциям Кубани и встреч с казаками — красными партизанами написал лишь два залпа» (то есть две главы. — П. М.) романа «Россия, кровью умытая».

— А дальше туго идет дело, — говорил Артем. — Начинаю третью главу и возникают непреодолимые трудности — тон двух первых глав так высок, что в следующей, третьей главе мог перейти в визг, чего я, понятно, не могу допустить. А снижать тон — тоже нельзя... Временно бросил писать «Россию», взялся за «Ермака». За два года прочел о Ермаке все, что нашел в московских библиотеках, — сотни томов. Родословную Строгановых знаю наизусть до двадцатого колена. Держу трех секретарей на жалованье. Они роются в кучах архивного хлама и нагребли мне груды словесного золота. А в прошлом году не утерпел — решил поехать по следам Ермака, своими глазами увидеть места, по которым он продвигался со своей дру-

жиной и где все это происходило, сверить кое-что из того, о чем прочитал в книгах, с историческими фактами, кое-что уяснить, уточнить на месте... Проплыл Волгу, Каму, Чусовую, Иртыш... По Иртышу плыл неделю — от верховьев до впадения в Тобол... Словом, проплыл в лодке все эти ермаковские места, многое видел, многое уяснил самому себе. Скажу тебе — путь был нелегкий. Охотничью и рыбачью жизнь я знаю. И во время плавания по Волге, Каме, Чусовой и Иртышу кормился из сетей и с ружья. Вечером при заходе солнца причаливал к берегу Иртыша, к какой-нибудь полянке в лесу, разводил костер и варил себе еду. И вот тут я узнал, что такое комары на сибирских реках. Это что-то невероятное! Тучи комаров... Русский язык богат, разнообразен. Недавно я прочел у Арсеньева: «Комаров было так много, что своей массой они тушили костры». Лучше не скажешь! Так было и на Иртыше. Словом, комары ели меня как и сколько хотели — грызли меня нещадно...

Разговаривая с Артемом, я взглянул на часы. Время было уже позднее, и я вспомнил, что на утро мне надо по заданию редакции газеты «Советский юг» ехать в командировку на торжественное открытие только что построенного морского дноуглубительного канала в восточной части Таганрогского залива, в той части, где впадает в него многими своими рукавами и протоками Дон. Сооружение этого канала имело важное значение — он был первой ступенью Волго-Дона. На торжество собирались приехать специальным парходом много речников, представители руководящих городских и краевых организаций.

— Поедем, Артем, вместе со мной, — пригласил я. — Немного развеешься, получишь новые ин-

тересные впечатления. Наши староказачьи места помотришь. Там, за Азовом, в гирлах Дона, много интересного...

Утром следующего дня мы с Артемом были на набережной Дона.

Все здесь говорило о большом празднике: на вершине мачты развевался на свежем ветре громадный алый стяг, ниже, на реях той же мачты, и на всех судах трепетали сотни пестрых, ярких косых флажков, а на палубах алели полотнища лозунгов. Набережная была запружена делегатами Донской партконференции и гостями. Речное начальство и матросы ходили, конечно, именинниками, кинооператоры и фотографы суетились со своими аппаратами...

Правда, погода с самого утра не благоприятствовала празднику: палубы пароходов уже покрылись хрустящим под ногами инеем, сильный ветер рвал флаги на ленты.

Мы с Артемом стояли на верхней палубе парохода и смотрели по сторонам. Мимо нас проплывали желтые глинистые бугры правого берега Дона. Станицы Верхне- и Нижнегниловская, зеленое неоглядное займище левого берега, большая рыбацья станица Елизаветинская, старые, раскидистые вербы и неоглядное море камыша по берегам. А за кормой с криком носились белые чайки. Солнце то выглянет, обдав палубу ярким и скупым теплом, то вновь спрячется за тучи, еле-еле просвечивая сквозь них тусклым пятном...

У самого Азова в воздухе замелькали первые снежинки. Палуба опустела, почти все ушли в каюты слушать радиоконцерт или коротать время за шашками.

Мы с Артемом остались Он как-то посерел лицом, поднял воротник и заметно поеживался.

Немногие, оставшиеся на палубе, предались историческим воспоминаниям. Как в Пятигорске все полно воспоминаниями о Лермонтове, так и под Азовом каждый шаг напоминает о казачьей старине и о Петре Первом.

...Но вот и Азов. Хорошо видны высокие земляные валы бывшей турецкой крепости. Сохранились крепостные ворота и турецкий пороховой погреб.

Против Азова — рыбацкий хутор, бывший Государев (ныне Донской. — П. М.), как говорят, назанный так в честь государя, потому что в этом месте ловили рыбу для Петра и его свиты.

...Шли широким и многоводным рукавом Дона (гирлом). Под свежим ветром поверхность реки местами подернулась рябью.

— Река стлала перед нами свои камыши... — тихо и с усилием шевеля замерзшими, посиневшими губами, проговорил Артем. — Хорошая строка, запиши, Павло, пригодится! Такого сравнения я еще ни у кого не читал.

Поежившись, добавил:

— Ну, я продрог, как цуцик... Пойдем вниз, в каюту, отогреемся малость.

Мы спустились вниз, в отведенную нам каюту, и здесь продолжали все те же разговоры... О чем? Конечно, о литературе.

— А какой, скажу я тебе, яркий, сочный, ядреный язык у наших людей на Каме! — с восхищением продолжал Артем. — Какие я там обнаружил интересные словесные находки! Вот там же, на Каме, мне впервые довелось услышать слово «отдарок». Есть подарок и есть, оказывается, отдарок — прекрасное, но совсем забытое старинное русское слово. Или еще слово — кормщик. Это человек, который кормит, что-то вроде нынешнего интенданта, каптенармуса...

Как я узнал позже, своим дочерям Артем тоже дал необычные имена: Волга, Гайра, Фанта, Заяра.

— Поразительно, неисчерпаемо богат народный русский язык словесными сокровищами! — тихо, проникновенно продолжал Артем. — Обычно в повседневных разговорах мы не вдумываемся в происхождение слов, которые произносим, не ищем их глубокие корни. А для меня это интереснейшее занятие. Вот, к примеру, происхождение названий некоторых старинных русских городов. Не помню, какой князь, кажется один из Изяславичей, пошел на половцев, разбил их на нынешней Украине и, таким образом, «переехал» их славу. Отсюда название города Переяслав. Другой князь пошел войной в карпатские края, но, взвесив положение и не надеясь на свою небольшую силу, передумал идти дальше, «перемыслил». Отсюда — название города Перемышль. Или город Суздаль. Часто удельные русские князья, собираясь в верховьях Волги, ходили войной на татар. Место встречи князей, ожидание друг друга — «Суждаль», «Суздаль».

Рассказывая мне о писательских делах, Артем обмолвился, о том, что, роясь в своих бумагах, он нашел много стихов и прозаических, вполне годных к печати красновиков.

— Красновиков? Что еще за красновики? — удивился я.

— Ну, люди говорят черновики и беловики, а я вместо беловика говорю красновики. У меня все не так, как у добрых людей, — добродушно ухмыльнулся Артем. — Жил у нас в Самаре, на слободке, один знакомый драгиль, пьянчужка. Купил он однажды лампу и преподнес своей сварливой жене. А та, не говоря худого слова, — бац лампу об пол! «Ты что лампу мне купил! — говорит. — Такие лампы есть у всех соседок. А ты такую лампу купи,

чтоб ни у кого такой не было!» Так вот и я. У меня все не как у других людей. Кстати сказать, свой будущий роман я назову не «Ермак», а «Ярмак».

— Это почему же? — удивился я.

— Так его называют в Ремезовской летописи. И так мне больше нравится.

Позже он назвал свой роман «Гуляй, Волга».

— Ну, а какие твои планы на будущее, какие литературные замыслы? — спросил я.

Артем помолчал, задумался.

— Пока топчусь на месте, Павло... — сказал он в раздумье. — Черт его знает, не то у меня терпенья и выдержки не хватает, не то еще что мешает... Но не сидится, понимаешь, на месте, так бы и ездил, колесил по стране, из конца в конец.. Вот в прошлом году на Каму укатил, а будущей весной куплю коня — и через Гурьев, по северному берегу Каспия, через пески в Бухару поеду. Ведь жизни, годов-то, нам отпущено так мало, Павло... После Бухары думаю к вам на Дон переехать — хочется пожить в станице месяца четыре, в хате или в курене казачьем — быт казачий изучить, комсомол станишный посмотреть, сегодняшнюю жизнь... Ах, и люблю же я хорошее, здоровое, краснощекое слово! Найдешь вот одно такое полновесное слово, как «отдарок» или «кормщик», и носишься с ним, любишься им и рад-радешенек! С хорошим словом, как с песней, и жить веселее. Недавно вот вышла книга у одного писателя. Все говорят — плохая книга. А я не согласен. В книге есть сравнение замечательное: «Осенний лист падал, как подстреленная птица». Такого я еще не читал. Один этот образ всю книгу спасает.

Забегая вперед, скажу, что в конце своей книги «Гуляй, Волга» (о походе Ермака в Сибирь),

вышедшей в 1933 году, Артем Веселый поместил приложения — выписки из старинных летописей о походе Ермака, свои исторические заметки и другие материалы. Этот раздел в конце книги называется так: «Литературные додарки». Он оставался верен себе...

— По-моему, главное, что необходимо писателю, — сказал тогда Артем, — это знать своего коня. И еще — побольше смелости. Что касается меня и моего отношения к слову, то я считаю, что каждое слово должно быть подобно звонкой монете — словами нужно вызванивать. Слова должны тесно и цепко стоять друг к другу. Держа друг друга за руки, они должны идти хороводом со страницы на страницу... Первой своей стоящей вещью я считаю «Реки огненные», хотя это и ранняя моя вещь, 1923 года. Все написанное ранее, в пору оголтелого ученичества, в счет не идет, исключая, может, лишь «Масленицы». Считаю, что «Реки огненные» — звонкая, хорошо сделанная вещь.

Взяв у меня из рук какую-то книгу за корешок, листами вниз, Артем стал потряхивать ею, говоря:

— Книгу надо делать так, чтоб, когда потрясешь ею, из нее не выпала бы ни одна строка, ни одна фраза и чтоб была книга как литая. Вот так и мои «Реки огненные» — из них, как ни трясси, не выпадает ни одна фраза... Ну, а в общем, работаю я, Павло, медленно, упорно шлифуя каждое слово. Литературная работа для меня не вдохновение, а каторжный труд, и в этом я прилежный ученик и поклонник Флобера. Работа художника всегда была и будет подвижничеством. Ни за славой, ни за большими деньгами, ни за похвалой критики я не гонюсь. Знаю, что и иные оценки критики бывают условны, что за некоторыми оценками бывает и закулисная сторона... Живу я в большом

городе, а никуда не хожу, не вступаю в споры, уклоняюсь от всего, что мешает работать. Зачем мне все эти литературные споры, драки и драчки, весь этот литературный шум? Судите меня по моим вещам...

Мы с Артемом снова на верхней палубе. Пароход миновал лоцпост, прошел мимо песчаных отмелей с птичьими базарами, вышел в море. Лепит снег, сгущается вечерняя мгла, стонут чайки. В тумане замаячил маяк, желтый и красный флаги треплются по ветру.

Начинается шторм. Из тьмы вынырнул огонек. Ближе, ближе... Подходит небольшое судно. С него на палубу нашего парохода поднимается начальник Ростовского порта, отдает рапорт руководителям парокходства:

— Канал готов!

Первые приветствия, поздравления, бравурная медь оркестра...

Плывем дальше. Позади и впереди, в крошечной тьме, — огни парокходов. Входим в канал. Чувствуется: под ногами глубина, парокход несется смело, плавно...

Напряженно вглядываемся вперед: между восьмым и девятым километром трассы канала наш парокход должен перерезать ленту, протянутую через канал. Наконец замечаем черточку над водой, от вехи к вехе. Ближе, ближе... Нос парокхода нажимает на ленту, она рвется и падает на воду разорванными концами... Снова играет музыка, радостно гудят парокходы, вспыхивают новые огни, далеко по морю разносится «ура».

Полным ходом проносимся вдоль каравана землечерпалок, растянувшихся по линии канала.

Суда сдвинулись борт к борту, начинается митинг.

Снова рев гудков. Под ногами качающаяся палуба и темное штормовое море..

Утром Артем чувствовал себя нездоровым. С самого утра на палубе кричало радио, нудно хрипел граммофон, слонялись уставшие пассажиры.

— Эта нудная обстановка напоминает мне шум, споры и возню между некоторыми нашими лит-группами... Тошно!.. — сказал Артем. И, видимо, совсем расхворавшись, спустился вниз, в каюту, и, весь какой-то измятый и осоловевший от сильного внутреннего жара, завалился спать...

На следующий день Артем пришел к нам в редакцию. Время от времени он давал нам отрывки из своих новых вещей для публикации в ростовском журнале «На подъеме», а поскольку был обычай давать произведения с портретами авторов, то я попросил Артема тут же, в редакции, сфотографироваться.

Он взял первый попавшийся под руку стул, сел на него посреди комнаты, и наш редакционный фотограф тут же запечатлел его. На этом снимке (он сохранился у меня) Артем как живой: сатиновая рубаша, подпоясанная узким кавказским ремешком, низко стриженная голова с прямыми волосами, жаркий взгляд больших округлых глаз, черные шелковые усы, полные сжатые губы...

Эта фотография была потом напечатана в его книге «Пирующая весна», вышедшей в 1929 году в Харькове, в издательстве «Пролетарий». Его штриховой портрет, помещенный в одномомнике избранных произведений, изданном Гослитиздатом в Москве в 1958 году, также сделан по этому снимку 1927 года. Одну из фотокарточек, размером с открытку, Артем тогда же подарил мне. Позже, через пять лет, будучи в Ростове, он написал на

ее лицевой стороне: «Павлу Максимову. Артем. 1933, январь. Ростов».

...Через день или два — был как раз выходной — он пришел ко мне домой.

После первых заморозков снова распогодилось, как это часто бывает в Ростове. Я копал возле дома ямки, чтобы хоть и с запозданием, но посадить молодые деревца акаций — авось примутся. «Давай-ка помогу тебе, Павло», — сказал Артем. И, сняв ватный жакет, оставшись в одном пиджаке, взял лом, лопату и начал копать яму. Потом разрыхлил чернозем, посадил молодую акацию, полил водой, нежно похлопал ладонью по стволу деревца и сказал с добродушной усмешкой:

— Расти и цвести тебе двести лет на утеху хозяину! Пусть иной раз взглянет на тебя и вспомнит: «Это дерево посадил один беспутный человек по прозвищу Артем Веселый... Был такой писатель... который был в плену у слов-самоцветов».

Я угадал намек на мою рецензию о нем в «Советском юге» за 29 декабря 1927 года под заглавием «В плену у слов-самоцветов» (об Артеме Веселом).

Деревцо благополучно прижилось, с течением лет вымахало выше крыши и выше трубы и стоит уже почти полвека с толстым, мощным стволом, раскидистое, зеленое. Глядя на него, я действительно часто вспоминаю о посадившем его товарище, своеобразном и интересном русском человеке и писателе Артеме Веселом. Его уже давно нет в живых, а дерево осталось...

Как я уже говорил, Артем приезжал потом в Ростов еще несколько раз все за тем же — собирать материалы для своих произведений. Помню, однажды, в один из этих приездов в Ростов, он был

мрачен и молчалив, подавлен семейным несчастьем: его малолетний сынишка попал в Москве под трамвай и умер в больнице на руках у Артема.

* * *

В журнале «На подъеме» № 3 за 1928 год в разделе «Литературная жизнь края» была помещена статья А. Бусыгина «Пройденный путь» (к годовщине журнала), и в ней говорилось:

«Изъявил согласие сотрудничать в журнале «На подъеме» известный писатель Артем Веселый. Его два новых «залпа» из романа «Россия, кровью умытая», в которых он показывает Ростов-Дон в 1918 году, Кубань, Черноморье, начнутся печатанием в апрельской книге журнала «На подъеме».

Главы-«залпы», о которых упоминал в своей статье А. Бусыгин, были напечатаны в журнале «На подъеме» № 8 за 1928 год под общим заголовком «Черный погон».

Вместе с молодыми ростовскими писателями Артем Веселый выступал в конце 1927 года на ростовском заводе «Красный Аксай». В журнале «На подъеме» № 1—2 за 1928 год в разделе «Литературная жизнь края» помещена информация об этой встрече с читателями. В ней говорилось: «Артем Веселый, А. Бусыгин, В. Жак, Гр. Кац, Гр. Смоляков выступили с чтением своих произведений, посвященных главным образом теме гражданской войны».

Особенно запомнилась мне встреча с Артемом Веселым в 1933 году на вечере у одного ростовского писателя, устроенном в честь приезда Артема в Ростов.

Весь этот вечер прошел в жарких разговорах и спорах на разнообразные литературные темы, и в разговорах этих активное участие принимал Ар-

тем: высказывал свое мнение и о содержании, и о форме различных вышедших к тому времени литературных произведений, рассказывал нам о своем плавании по уральским и сибирским рекам по следам Ермака, о работе над романом «Гуляй, Волга». Это были колоритнейшие и интереснейшие его устные рассказы, и на другой же день (5 февраля) я записал их по памяти. Но коротко пересказать их невозможно, об этом надо писать особо.

К тому времени уже вышли его книги «Россия, кровью умытая» и «Гуляй, Волга».

На первой из них, даря мне книгу, Артем написал:

«Павлу Максимову. Чем богат, тем и рад порадовать. Артем. Февраль. 1933». А на другой, «Гуляй, Волга», подаренной моей дочери, тогда подростку: «Танюше Максимовой с удовольствием дарю мою лучшую книгу. Артем. 1933. Кисловодск».

Он тогда заехал в Ростов на обратном пути с Кавказа, где отдыхал. Приехал в последних числах января 1933 года и пробыл здесь свыше десяти дней — продолжал собирать материал для «России, кровью умытой». (В ту, что уже вышла в 1932 году под этим названием, вошли, как он пояснил мне тогда, только куски — фрагменты.)

В том же, 1933 году в ростовском журнале «На подъеме» № 2 были напечатаны его «беглые заметки» — «Донское зарево» — интересные автобиографические воспоминания о поездке на германский фронт в конце 1917 года.

Когда на этот раз он пришел ко мне, я увидел на его лице шрам: рубец шел через левую бровь, мимо глаза, переносицы и до конца носа. Нижнее веко левого глаза было оттянуто книзу. Все это несколько портило красивое лицо Артема. Оказа-

лось, что он сильно болел и этот шрам — след серьезной операции, которую сделали ему врачи в Москве.

Однажды, зайдя к нему в гостиницу, где он тогда остановился, я увидел, что Артем совсем плох — простудился. Я предложил ему переехать ко мне, он так и сделал. Пролежав несколько дней, он стал поправляться и по вечерам читал мне наизусть из романа «Гуляй, Волга» целые главы, которые считал самыми лучшими, самыми удачными.

Моя жена удивлялась его памяти.

— Вы, как врач, человек медицинской науки, можете разобраться в этом явлении лучше, чем мы, — сказал на это Артем. — Почему так происходит, что я помню почти все написанное мною? Думаю, что это явление можно объяснить физиологически. Три года все внимание, работа всех участков мозга сконцентрированы в одной точке, может быть, за счет всех других участков мозга, за счет их обескровливания. Три года нечеловеческого напряжения! Ужасно надоела мне эта последняя работа. В известном смысле, эта работа подводит итог некоему моему периоду.

* * *

С годами чем более зрелым становился Артем, тем проще он писал. Я имею в виду благородную простоту подлинно писательского языка. Напомню, что А. М. Горький отзывался о произведениях Артема Веселого очень положительно.

В 1928 году в двенадцатом номере журнала «Новый мир» я прочитал несколько его маленьких новелл, стихотворений в прозе, картинок, зарисовок — не знаю, как их лучше и более точно на-

звать (у Артема они именовались «Домыслы») — и между ними такую жемчужинку, как «Сад». Она поразила меня благороднейшей простотой и яркостью языка — тончайшей художественной работой. По сути дела, Артем только выходил на широкую столбовую литературную дорогу, на путь социалистического реализма.

— Скажу вам, ребятки: что бы там ни было, но я считаю, что лучшие мои вещи — «Россия», «Волга» и «Реки огненные» — останутся, будут жить и после меня... — говорил он нам, молодым ростовским писателям.

Со времени появления его первых книг прошли десятки лет. И каких лет! Мы видим, что его книги, его яркое красочное слово выдержали испытание временем. Артема Веселого нет, но он жил не даром, его имя и его книги навсегда остались в нашей литературе.